

Л.В. Якушев

Универсальность морали и обоснование прав человека*

Якушев Леонид Викторович – аспирант, философский факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: jaleonid@mail.ru

В статье последовательно проанализированы четыре теоретических подхода к обоснованию универсального статуса прав человека (интуитивизм, конструктивизм, коммуникативизм и коммунитаризм). В центре внимания находятся их различия, касающиеся роли конструктивистских процедур и диалогического взаимодействия. В интуитивистской модели данные элементы являются излишними, поскольку фундаментальные моральные принципы рассматриваются интуитивистами как самоочевидные. Однако в силу существенного расхождения моральных интуиций у различных субъектов возможности интуитивистской модели в деле обоснования универсального статуса прав человека являются довольно ограниченными. Конструктивистский подход учитывает недостатки интуитивизма и апеллирует к заложенной в каждом человеке способности к выбору, опирающемуся на практическое рассуждение. Любой разумный индивид не может не признать нормы, вытекающие из практического применения разума в наиболее благоприятных для него условиях. Одним из наиболее влиятельных вариантов конструктивизма является тот, для которого конструктивистская процедура связана с гипотетическим всеобщим согласием. Однако гипотетическое согласие воображаемых субъектов не гарантирует согласия субъектов реальных, что создает серьезные препятствия для обоснования универсальности прав человека. Их пытаются преодолеть сторонники двух других подходов. Коммуникативисты полагают, что обоснованными являются лишь те морально-правовые нормы, которые получили одобрение со стороны участников реального дискурса. Коммунитаристы пытаются достичь консенсуса в отношении прав человека, учитывая позицию не отдельно взятых индивидуальных субъектов, а культурных сообществ. В основе этого процесса лежат: 1) целенаправленный поиск общих нормативных черт в различных культурных традициях, 2) надежда на возможность частичного переопределения коллективных культурных идентичностей. Несмотря на то, что обе модели снимают некоторые трудности конструктивизма, ключевой вопрос, как представителям различных культур на данном этапе развития человечества признать «других» с их особыми ценностными установками, остается нерешенным. В статье делается вывод о недостаточности всех проанализированных подходов для обоснования универсального статуса прав человека.

Ключевые слова: мораль, права человека, универсальность, интуитивизм, конструктивизм, коммуникативизм, коммунитаризм

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068.

Концепция прав человека – важная точка пересечения нормативной этики с юридической практикой. Эта концепция, начавшая формироваться в эпоху Возрождения и получившая завершённый вид в эпоху Нового времени, на данный момент занимает центральное место в международной правовой культуре и представляет собой важный опыт формализации моральных критериев, регулирующих общественную жизнь. Одним из центральных свойств прав человека считается их универсальный характер: каждый человек обладает правами независимо от того, гражданином какого государства он является и к какому культурному сообществу принадлежит. Для того чтобы претензия прав человека на универсальность реализовалась в мировой юридической практике, они должны получить повсеместное признание, не сводящееся к формальному одобрению правительствами разных стран соответствующих международных документов. Однако несмотря на то, что права человека воплощают ценности, которые являются общими для разных культур и религий, такое признание сталкивается с существенными трудностями. Именно поэтому так остро стоит вопрос о моральном обосновании прав человека. Оно должно быть таким, чтобы использующиеся в нем аргументы казались убедительными представителям самых разных культур, в том числе тех, которые не принадлежат к породившей идею прав человека западной культурной традиции. В данной статье я хотел бы проанализировать под этим углом зрения четыре основных подхода к обоснованию прав человека, присутствующих в современной этической теории, – интуитивизм, конструктивизм, коммуникативизм и коммунитаризм, обращая при этом внимание на две проблемы: а) как в этих концепциях представлена процедурно-конструктивистская составляющая и б) как они используют диалогический тип рассуждения.

Интуитивизм

Интуитивизм в этике представлен множеством частных концепций, что объясняется многозначностью и неопределенностью центрального для них понятия моральной интуиции¹. В общем виде позиция интуитивистов предполагает существование таких моральных оценок и требований, которые опознаются и признаются непосредственно. Они таковы, что являются для каждого человека заведомо правильными, или самоочевидными. Интуитивизм допускает, что некоторые моральные оценки и требования опираются на логический вывод из более общих непосредственно очевидных оценок и требований. Но основа нормативной пирамиды для интуитивиста все равно напоминает аксиоматическую основу математического знания. Интуитивистская традиция в понимании прав человека следует за Декларацией независимости США (1776), которая исходит из «той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»².

¹ См. подробнее: *Артемьева О.В.* Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени) // *Этическая мысль*. Вып. 10. М., 2010. С. 92.

² Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Ред. О. Жидков. М., 1993. С. 25.

В современной этической теории самоочевидный характер прав человека ярко выразил А. Этциони. Он утверждает, что «права человека... морально убедительны по самому своему существу, внутренне, а не основаны на внешних эмпирических или логических суждениях»³. Они как яркий свет, на который не надо указывать, чтобы его заметить. И лишь серьезное повреждение зрения может препятствовать признанию того, что он есть. Вопрос о том, действительно ли каждый человек не должен испытывать страх насильственной смерти или подвергаться пыткам, вызывает у людей однозначную реакцию: «Конечно, не должен, зачем вы у меня это спрашиваете и где тут, собственно, вопрос?». Любые обоснования прав человека, замещающие непосредственную апелляцию к очевидности, могут лишь замутить эту очевидность. Они создают зависимость суждений о правах человека от какого-то развернутого рассуждения, у которого есть отправные посылы и последовательные шаги логического вывода. В результате убедительность прав человека начинает зависеть от таких нормативных понятий, которые заметно менее убедительны, чем сама идея прав человека. Любое иное обоснование прав человека, кроме прямой отсылки к интуиции, не подкрепляет свой объект, а порождает дополнительные искусственные сомнения в нем.

Менее категоричны в вопросе о необходимости обосновывающих рассуждений те интуитивистские концепции, которые, несмотря на критику Этциони, все же рассматривают права человека именно в качестве выводного нормативного концепта, того, который опирается на более общие интуитивно очевидные ценности или принципы морали. Скажем, права человека можно рассматривать как выражение ценности человеческого достоинства, которая, в свою очередь, признается в качестве самоочевидной⁴. Мысль о необходимости защищать достоинства приведет нас к идее неприкосновенности личности, то есть к идее индивидуального права, а поиски самых важных аспектов уважения к достоинству дадут нам набор неотъемлемых прав, которыми обладает каждый человек. Тем самым мы получим моральное обоснование прав человека.

Интуитивистское понимание прав человека сталкивается с существенными затруднениями. Первое связано с тем, что современная наука серьезно продвинулась по пути объяснения того, как формируются интуитивно очевидные моральные суждения. Они возникают на основе действия биологических факторов, задающих общий каркас системы моральных оценок, который наполняется специфическим культурным материалом, сформированным в том или ином сообществе на протяжении длительного промежутка времени. Основой этого каркаса являются эмоциональные механизмы человеческой психики, что подразумевает небольшую роль рационально-дискурсивных способностей человека. В итоге очевидность в ценностно-нормативных вопросах оказывается далека от идеала *рациональной* очевидности. Она представляет собой всего лишь сколок эволюционной истории человека и культурной истории отдельной традиции⁵.

³ Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // Human Rights Quarterly. 2010. Vol. 32. No. 1. P. 190.

⁴ См. подробнее: Griffin J. First Steps in an Account of Human Rights // European Journal of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 306–327. Анализ этого варианта обоснования прав человека см.: Waldron J. Is Dignity the Foundation of Human Rights? // Philosophical Foundations of Human Rights / Ed. by R. Cruft, S.M. Liao, M. Rienzo. Oxford, 2015. P. 117–137.

⁵ Haidt J. The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment // Psychological Review. 2001. Vol. 108. No. 4. P. 814–834; см. также: Прокофьев А.В. «Не упускай из виду интуиций...» (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике) // Филос. журн. / Philosophical Journal. 2016. Т. 9. № 1. С. 148–152.

Кроме того, несмотря на убежденность Этциони во всеобщем согласии людей по поводу прав человека, моральные интуиции людей, принадлежащих к разным культурам, и даже людей, принадлежащих к какой-то одной культуре, существенно разнятся в их отношении. На этом фоне интуитивистам не остается иного выхода, кроме как выражать досаду и возмущение в отношении тех людей, которые не видят «яркого света». Каждый из обладателей расходящихся моральных интуиций будет апеллировать к собственным вариантам ответа на важнейшие моральные вопросы и рассматривать эти ответы как единственно верные. Однако никто ничего не сможет доказать своим собеседникам. Таким образом, права человека будет признавать в качестве идеи, наделенной реальной нормативной силой, лишь ограниченная группа людей, обладающих «безошибочным нравственным зрением». И у этих «зрячих» будет только два способа действия в отношении «слепых» – сетовать и принуждать.

Конструктивизм

Недостатки интуитивистского подхода, связанные с несогласованностью и неопределенностью интуитивных суждений, пытается преодолеть конструктивистская методология нормативной этики. Согласно позиции ее сторонников, моральные принципы, в том числе касающиеся прав человека, являются конструктами разума, результатами развертывания особой рациональной процедуры. Она позволяет производить критику и отбор интуитивных суждений и поэтому представляет собой способ снятия расхождений между людьми, которые считают очевидными разные моральные требования. Верными в конструктивистской перспективе являются те требования, которые признал бы таковыми каждый человек, а) способный к практическому рассуждению, б) на основе практического рассуждения и в) в условиях, которые в наибольшей степени благоприятны для практического рассуждения⁶. Конструктивистские процедуры отличаются от процедур вывода частных требований на основе общих нормативных посылок (ценностей). Они апеллируют не к ценностям, а к самой способности к выбору, опирающемуся на рассуждение. Тот, кто принимает решения, рассуждая, т. е. взвешивая доводы «за» и «против» своих поступков, с точки зрения конструктивиста, не может не прийти к ряду моральных ограничений своего поведения. Он с необходимостью признает нормативную силу некоторых требований.

К примеру, конструктивистской формулой принято считать первую формулировку категорического императива И. Канта: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы»⁷. Она выступает как процедура, позволяющая отбирать максимы по принципу их универсальности, и определяет нормативное содержание кантовской этики. Возможность разумного согласия на превращение максимы во всеобщий закон природы придает максиме статус верного или объективного морального принципа. Однако многие максимы таковы, что

⁶ James A. Constructivism, Moral // The International Encyclopedia of Ethics / Ed. by H. La Follette. Malden, 2013. P. 1066.

⁷ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. 3 / Ред.: Н. Мотрошилова, Б. Тушлинг. М., 1997. С. 145.

разумное согласие на такое превращение невозможно. Ведь если максима превратится в закон природы, то последствия ее применения будут распространяться на согласившегося с этим деятеля не только в тех случаях, когда ему это выгодно, но и тогда, когда он окажется страдающей стороной (страдающий от вредных действий или безразличия других людей или страдающий от распада тех институтов и практик, которым эта максима противоречит). Примеряя на себя вторую позицию и убеждаясь в невозможности разумного согласия того, кто находится в ней, деятель выбраковывает негодные максимы поступков. Применение подобной конструктивистской процедуры лишает практическое рассуждение строгой монологичности. Кантовский деятель начинает обсуждать возможность всеобщего согласия всех разумных индивидов по поводу стандартов правильного поведения⁸.

Однако это присутствие других в конструктивистской процедуре может быть выражено в большей или меньшей мере. Оно оказывается ограниченным в рамках той модели обоснования прав человека, которая присутствует в кантианстве А. Гевирта. Точка отсчета его рассуждения такова: любой человек осуществляет целенаправленную деятельность и стремится к достижению определенных результатов. Для этого ему необходимо обладать свободой действий и минимальным базовым благополучием, т. е. каждый человек имеет право требовать обеспечения этих условий для достижения целей. Но в таком случае индивид должен рассматривать всех людей в качестве носителей тех же прав. В случае отказа субъекта признать равный правовой статус других, то ему необходимо подтвердить отсутствие у этих субъектов определенных свойств, которыми он сам обладает. Если привести такие доводы невозможно, индивид должен признать наличие у других прав. Таким образом, право на свободу и базовое благополучие заложены в самой способности человека к целеполаганию, и эти права никто не может отрицать. Следовательно, они должны быть признаны всеми⁹. Право на свободу действий подразумевает не только невмешательство в дела другого человека, но и при необходимости – помощь в создании условий для целенаправленной деятельности. Сохранение жизни, физическая целостность и психическое равновесие составляют минимальное базовое благополучие. Иерархия остальных прав выстраивается по критерию необходимости благ, которые поддерживаются соответствующей нормой, для осуществления целенаправленной деятельности.

Договорные модели кантианства, наоборот, акцентируют наличие и взаимодействие множества людей, каждый из которых выбирает нормативную основу своего поведения. Тот или иной принцип имеет силу для сторонников договорной этики только в том случае, если он вызывает согласие всех разумных людей, участвующих во всеобщем гипотетическом соглашении. Одним из ярких примеров является теория справедливости Дж. Ролза. Исходным пунктом его рассуждения является тезис, что все члены общества всегда будут выбирать нормативные принципы с некоторой долей пристрастности, в зависимости от особенностей собственного характера и общественного положения.

⁸ Интерпретацию этики Канта как морального конструктивизма см.: *Rawls J. Kantian Constructivism in Moral Theory // Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. No. 9. P. 515–72; O'Neill O. Constructivism in Rawls and Kant // The Cambridge Companion to Rawls / Ed. by S.R. Freeman. Cambridge, 2003. P. 347–367.*

⁹ *Gewirth A. Reason and Morality. Chicago, 1978. P. 48–128.*

Чтобы придать нормам максимальную объективность, необходимо сконструировать специальный мысленный эксперимент. Его участники – способные к кооперации и нуждающиеся в ней индивиды – находятся за «занавесом неведения». Они не имеют сведений о своих умственных способностях, состоянии здоровья, представлениях о смысле жизни, социальном статусе, а также о «конкретных обстоятельствах своего собственного общества» (экономических отношениях, особенностях культуры и прочем)¹⁰. Поэтому рациональные эгоистические субъекты, стремясь обеспечить себе наибольшее количество благ, предпочтут в ситуации первоначального выбора такие принципы, действие которых позволит им, даже оказавшись в неблагоприятном положении, понести наименьшие потери. Один из таких принципов содержит требование равенства прав каждого человека, нарушение или ограничение которых недопустимо. В перечень основных прав, или «свобод», входят право на личную неприкосновенность, свобода совести и слова, право на частную собственность и др.¹¹. Таким образом, права человека, являясь результатом честного гипотетического соглашения между всеми разумными людьми, превращаются в основу справедливого общества и получают статус универсальных (всеобщих).

Будет ли это рассуждение достаточно убедительным, чтобы играть роль исчерпывающего обоснования прав человека для каждого, кто применяет разум в процессе принятия решений? Б. Бэрри и Т. Скэнлон считают, что нет из-за присутствия такого элемента, как «занавес неведения». Последний является избыточной конструкцией, поскольку достигнутое в ходе мыслительного эксперимента согласие теряет свою силу на практике – для деятелей, которые уже знают, кто они. По мнению Бэрри и Скэнлона, выявить набор санкционированных разумом норм можно на основе гипотетического соглашения людей, обладающих полным знанием о своем характере и социальных обстоятельствах. Достаточно просто вообразить, что каждый из них разумен, то есть готов принять только ту норму, которую другие разумные индивиды не смогли бы отвергнуть, беспристрастно взвесив свои потери от ее принятия¹². Если участника гипотетического обсуждения норм не устраивает какой-то принцип, то он имеет возможность наложить на него вето, но при наличии весомых оснований. Такими основаниями могут стать, например, угроза жизненным интересам индивида или ограничение в потреблении общественных благ¹³. Такой нормативный фильтр и позволяет выявить набор неотъемлемых прав каждого человека. Использование данной методологии ведет к тому, что участниками соглашения будут приняты те нормы права, которые охраняют личность и способствуют ее развитию. В свою очередь, нормы, дискриминирующие человека или представляющие для него угрозу, будут отклонены, поскольку выражающий опасения индивид может наложить запрет на ее принятие.

Конструктивистский подход в обосновании прав человека сталкивается с тем обстоятельством, что используемый в рамках гипотетических процедур образ человека, принимающего решения на основе практической рациональности, не соответствует тем субъектам, которые действуют в реальной жиз-

¹⁰ Ролз Д. Теория справедливости. М., 2010. С. 127.

¹¹ Там же. С. 66–67.

¹² Scanlon T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge: Harvard University Press, 1998. P. 195.

¹³ Barry B. A Treatise on Social Justice. Vol. 2. Oxford, 1995. P. 67–72.

ни, тем людям, которые включены в разнообразные общественные практики и определяются своими социальными ролями и принадлежностью к разным культурным сообществам. Для реальных индивидов общественные институты и членство в группах являются не просто средством продвижения интересов и реализации разумных идеалов, они представляют собой среду, которая формирует индивидуальную идентичность. Таким образом, критика «занавеса неведения» органично перерастает в критику самих конструктивистских процедур – почему согласие абстрактных разумных индивидов должно быть значимым для индивидов реальных? Конечно, в конструктивистских процедурах можно видеть всего лишь герменевтику ценностного сознания отдельных культурных сообществ, как это происходит в работах позднего Ролза¹⁴. Это снимает вопрос о том, почему реальные индивиды будут считаться с результатами гипотетической процедуры, но одновременно ведет к тому, что полученные на основе этой процедуры принципы потеряют свою универсальность. Для проблемы обоснования прав человека такая потеря является фатальной.

Коммуникативизм

Учесть и преодолеть недостатки конструктивистского подхода пытаются сторонники двух других теоретических подходов. Они стремятся отталкиваться от реального взаимодействия субъектов в рамках реального историко-культурного контекста. Первая из них – коммуникативная. В ней процедура конструирования норм является уже не сугубо теоретической: ее разворачивают не воображаемые, а реальные субъекты, вступающие в общение (дискуссию) по поводу установления общезначимых правил взаимодействия. Эти субъекты признают в качестве обладающих всеобщей нормативной силой только те нормы, которые санкционированы ими самими в результате обсуждения. Коммуникативизм опирается на два принципа. Принцип равенства: любой человек рассматривается как равноценный участник коммуникации, несущий ответственность за совершаемые действия. Он признает себя частью дискурсивного пространства, агентом формирования, утверждения или, наоборот, опровержения и отмены норм. Принцип взаимности: субъект признает право другого выражать согласие с его позицией или не соглашаться с ней на основе публично предъявленных доводов. Требование, предложенное какой-то из сторон обсуждения, может получить статус универсального лишь в том случае, если оно будет принято всеми теми людьми, чьи интересы затрагивают последствия ее применения на практике, причем будет принято исключительно на основе разумного и свободного выбора – без силового давления, угроз, обмана, в качестве предложения, опирающегося на убедительные аргументы¹⁵. Стороны дискуссии предъявляют друг другу свои интересы и потребности, что ведет, с одной стороны, к критическому переосмыслению последних, а с другой – к более точному их учету в рамках итоговой системы норм, которой готовы подчиняться все участники обсуждения. Таким образом, права человека выступают как продукт дискурса, а в какой-то своей части – как его основа. Когда

¹⁴ См. подробнее: *Rawls J. Political Liberalism*. N. Y., 1996.

¹⁵ *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб., 2001. С. 90–120.

речь идет о правах как основе дискурса, то главным аргументом в пользу их признания, с точки зрения коммуникативистов, является понимание каждым человеком того обстоятельства, что его собственная идентичность зависит от диалогов с другими людьми, что без Другого нет Меня¹⁶.

Взаимное признание друг друга участниками дискурса вовлекает в него представителей различных социальных групп: возрастных, половых, профессиональных, этнических. Дискурс не только позволяет защитить права тех групп, которые являются меньшинствами («другими» для большинства), но также ведет к изменению уже существующих идентичностей и к формированию новых. В последнем случае члены возникающей группы вступают в коммуникацию для создания новой нормы, защищающей их идентичность. В ходе дискурсивного процесса получающие защиту меньшинства становятся партнерами большинства, принимая существующие социальные институты и культурные традиции и по-своему переосмысливая их¹⁷. Коммуникация становится условием формирования идентичности групп и ее изменения. Она задает свой культурный контекст, а не пассивно формируется им. С. Бенхабиб называет такие процессы демократическими итерациями (повторениями): по завершении дискурса люди не получают копию обсуждаемого феномена, а один из его образов, который обладает новыми смыслами. В контексте прав человека этот процесс дополняет уже существующий перечень прав новой юридической нормой¹⁸. Очевидно, что эта процедура подразумевает не только политически нейтральное обсуждение проблем общественной жизни, но и политическую борьбу, поэтому для усиления сплоченности и интеграции необходимо способствовать росту правовой культуры с помощью институтов гражданского общества (прежде всего СМИ) и политических организаций.

Коммуникативистское обоснование прав человека имеет существенные плюсы. На его фоне исчезает вопрос о том, будут ли результаты процедуры выведения норм значимы для тех, кто попадает под их действие. Реальный характер соглашения позволяет утверждать, что будут. Однако проблема в том, что это обстоятельство касается только тех людей и групп, которые посчитали необходимым вступить в коммуникацию по поводу норм совместного существования на условиях, провозглашенных коммуникативной этикой. Будет ли участие в такой коммуникации приемлемым для представителей всех или большинства культурных традиций, формирующих ценностное мировоззрение наших современников? Сама по себе коммуникативистская модель не дает ответа на этот вопрос и не создает прочных оснований для положительного ответа на него. Зато другой подход к основанию прав человека, противостоящий конструктивизму – коммунитаристский – всецело сосредоточен именно на этой задаче.

¹⁶ Benhabib S. *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge, 2011. P. 57–76.

¹⁷ Benhabib S. *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens*. Cambridge, 2004. P. 169.

¹⁸ Ibid. P. 176–183.

Коммунитаризм

Коммунитаристы, в отличие от конструктивистов, отвергают теорию общественного договора, в основе которой лежит образ человека как существа, которое может, опираясь исключительно на свой разум, формулировать универсальные нормативные ориентиры. Для коммунитаристов человек не может быть моральным субъектом вне и помимо сообщества, независимо от коллективно разделяемых представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, правах и их нарушениях. Для того чтобы можно было говорить о правах, необходимо существование определенных социальных и политических отношений, которые только и делают возможным обладание правами. Основой надления правами, с точки зрения коммунитаристов, является политическое доверие между гражданами – чувство, которое выражает свободное принятие каждым членом сообщества обязательств по защите свободы друг друга и совершению действий в соответствии с ними. На фоне такого доверия вполне может сложиться консенсус по правам человека, аналогичный конструктивистскому, но не гипотетический, а реальный и опирающийся на политическую культуру определенного сообщества¹⁹. Вопрос в том, могут ли прийти к такому же консенсусу разные сообщества, имеющие различные взгляды на природу и параметры совершенства человека, разную историю базовых социальных институтов и т. д.?

Некоторые коммунитаристы считают, что такой консенсус возможен. Однако, с их точки зрения, он не должен отталкиваться от какого-то глубокого взаимного понимания представителей разных культур на уровне оснований идеи прав человека. Интеграция позиций на уровне оснований если и возможна, то лишь в далекой исторической перспективе. Равным образом невозможно пока и полное совпадение взглядов в отношении номенклатуры прав. Перечни прав, выдвигаемые различными сообществами, будут отличаться по своему содержанию или по порядку приоритета. Возможны и различия в интерпретации конкретных прав. Кстати, осознание этих различий является первым шагом к универсализации идеи прав человека: если нормы моего сообщества являются обоснованными, то и их нормы также могут иметь весомые основания. Эта та самая точка, с которой может начаться переопределение идентичности, трансформация традиционных ценностных ориентиров какого-то сообщества. Однако в этом процессе должны быть сведены к минимуму внешние воздействия на него, поскольку они воспринимаются его членами как грубое давление и пренебрежение традициями, что может усилить сопротивление любым изменениям идентичности и усложнить достижение консенсуса. Путь к всеобщему согласию в вопросе о правах человека должен проходить не через утрату или отрицание традиционной идентичности, а через углубляющееся понимание сторонами друг друга, через осознание их равенства. Иначе переговоры по установлению консенсуса будут чрезвычайно трудны и лишены шансов на успех.

Возьмем в качестве примера то обстоятельство, что представители некоторых незападных культур ставят во главу угла благополучие сообщества, которое в свою очередь обеспечивает благо каждого из его членов. Для них сторон-

¹⁹ Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights // The East Asian Challenge for Human Rights / Ed. by J.R. Bauer, D.A. Bell. Cambridge, 1999. P. 124.

ники ценностей Запада могут показаться индивидуалистами, стремящимися лишь к достижению личного блага. Причины такого восприятия понятны. Для западной традиции идея субъективных прав органична, она связана с христианским культурным наследием и особенностями развития правовой системы европейских стран. Иные традиции имеют другой исторический опыт, на фоне которого акцентирование субъективного права выглядит подозрительным. Однако коммунитаристы убеждены, что это противоречие можно разрешить благодаря наличию во всех культурах общих нормативных черт, таких как табу на убийство или уважение к честной процедуре, которые могут способствовать их сближению в вопросе о правах. Например, в современной буддийской традиции существует тенденция смещения акцентов с полной «предрассудков» ритуальной практики на базовые идеи просветления, ненасилия и достижения нирваны. Сторонники этой тенденции подчеркивают индивидуальную ответственность каждого за достижение просветления и обращают особое внимание на социальные импликации идеала ненасилия. В этой связи их ценностно-нормативная система при всем различии метафизических оснований оказывается близка к западным ценностям автономии и демократии. Защита прав человека является для них важной и злободневной практикой, хотя обоснование этой практики не связано с западной идеей уважения к достоинству человека. В итоге они выступают в качестве потенциальных участников всеобщего консенсуса в отношении прав человека, опираясь при этом на фундамент собственной, буддийской культурной традиции²⁰. К этому консенсусу, по мнению коммунитаристов, могут присоединиться и представители исламской культурной традиции, несмотря на чрезмерную жестокость некоторых норм шариата, предполагающих крайне жестокие наказания за совершение преступлений, например, отсечение руки за кражу или забрасывание камнями за супружескую измену. Ведь в исламе присутствует идея божественного милосердия и сострадания, которая коррелирует с христианским благочестием, превозносящим любовь к ближнему. Эти схожие черты могут стать отправной точкой в длительном процессе создания общих норм, защищающих человека, без потери духовной основы сообществ, придерживающихся ислама.

Несмотря на то, что два последних подхода снимают некоторые трудности, свойственные конструктивизму, они сталкиваются с одним и тем же препятствием. И индивидам и группам, основанным на общей идентичности, очень трудно признать, что ценностные установки «других», отличающиеся от их собственных установок, имеют равный с ними статус или хотя бы должны обсуждаться в качестве равных претендентов на одобрение со стороны всех разумных людей. Это блокирует диалог и делает сближение позиций по вопросу об общих нормативных основаниях проблематичным. Конечно, в истории имеются отдельные положительные примеры уважения к ценностям и нормам других культур при сохранении собственных, примеры взаимного обогащения разных традиций в области морали и права, однако превратить эти примеры в глобальную тенденцию, формирующую *универсальный консенсус*, вряд ли получится в ближайшем будущем.

²⁰ Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. P. 133–135.

Список литературы

- Артемяева О.В.* Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени) // *Этич. мысль.* Вып. 10. М., 2010. С. 90–113.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // *Кант И.* Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. / Ред.: Н. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 3. М.: Моск. филос. фонд, 1997. С. 39–275.
- Прокофьев А.В.* «Не упускай из виду интуиций...» (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике) // *Филос. журн. / Philosophy Journal.* 2016. Т. 9. № 1. С. 146–163.
- Ролз Д.* Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
- Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Ред. О. Жидков. М.: Прогресс; Универс, 1993. 768 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
- Barry B.* A Treatise on Social Justice. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1995. 315 p.
- Benhabib S.* Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge: Polity Press, 2011. 298 p.
- Benhabib S.* The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 251 p.
- Etzioni A.* The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // *Human Rights Quarterly.* 2010. Vol. 32. No. 1. P. 187–197.
- Gewirth A.* Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
- Griffin J.* First Steps in an Account of Human Rights // *European Journal of Philosophy.* 2001. Vol. 9. No. 3. P. 306–327.
- Haidt J.* The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment // *Psychological Review.* 2001. Vol. 108. No. 4. P. 814–834.
- James A.* Constructivism, Moral // *The International Encyclopedia of Ethics* / Ed. by H. La Follette. Malden: Blackwell Publishing, 2013. P. 1065–1078.
- O'Neill O.* Constructivism in Rawls and Kant // *The Cambridge Companion to Rawls* / Ed. by S.R. Freeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 347–367.
- Rawls J.* Kantian Constructivism in Moral Theory // *Journal of Philosophy.* 1980. Vol. 77. No. 9. P. 515–572.
- Rawls J.* Political Liberalism. N. Y.: Columbia University Press, 1996. 464 p.
- Scanlon T.M.* What We Owe to Each Other. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 420 p.
- Taylor C.* Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights // *The East Asian Challenge for Human Rights* / Ed. by J.R. Bauer, D.A. Bell. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 124–144.
- Waldron J.* Is Dignity the Foundation of Human Rights? // *Philosophical Foundations of Human Rights* / Ed. by R. Cruft, S.M. Liao, M. Rienzo. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 117–137.

Moral Universality and Justification of Human Rights*

Leonid V. Yakushev

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky ave., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: jaleonid@mail.ru

The paper analyses four theoretical approaches to the justification of the universal status of human rights (intuitionism, constructivism, communicativism and communitarianism). The analysis is focused on their differences with regard the role of constructivist procedures and dialogue. In the intuitionist model, these elements are unnecessary because the fundamental moral principles are considered by intuitionists as self-evident. However, due to the significant divergence of moral intuitions among different actors, the potential of the intuitionist model for justifying the universal status of human rights is rather limited. The constructivist approach takes into account weak points of intuitionism and appeals to the ability of every human being to choose his/her actions on the basis of practical reasoning. According to their opinion, any reasonable individual cannot but recognize the rules arising from practical reasoning in conditions optimal for practical reasoning. One of the most influential versions of constructivism identifies the constructivist procedure with the search for the hypothetical general agreement. Though, the hypothetical agreement of imaginary actors does not guarantee the agreement of real actors. This is a serious obstacle to the justification of the universality of human rights on the constructivist basis. The proponents of the other two approaches try to overcome it. Supporters of the communicative ethics believe that only those norms that have been approved by the participants of the real discourse are morally justified. Communitarians try to build a global consensus of different cultural communities on human rights. The foundations of this consensus are 1) common normative features of major cultural traditions, 2) a capacity of cultural communities to a partial redefinition of their identities. Despite the fact that both models remove some difficulties of constructivism, the key issue, how can representatives of different cultures recognize “others” with their special values and norms not in theory but in reality, remains unresolved. The paper concludes that the all four approaches are insufficient for justifying the universal status of human rights.

Keywords: morality, human rights, universality, intuitionism, constructivism, communicativism, communitarianism

References

- Artemyeva, O. “Intuitivizm v etike (iz istorii angliiskogo eticheskogo intellektualizma Novogo vremeni)” [The Intuitionism in Ethics (from the History of English Ethical Intellectualism of the Modern Era)], in: *Eticheskaya mysl'*, Vol. 10, Moscow, 2010, pp. 90–113. (In Russian)
- Barry, B. *A Treatise on Social Justice*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press 1995. 315 pp.
- Benhabib, S. *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge: Polity Press, 2011. 298 pp.
- Benhabib, S. *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 251 pp.
- Etzioni, A. “The Normativity of Human Rights Is Self-Evident”, *Human Rights Quarterly*, 2010, Vol. 32, No. 1, pp. 187–197.

* The paper has been developed within a project research «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00068.

Gewirth, A. *Reason and Morality*. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 pp.

Griffin, J. "First Steps in an Account of Human Rights", *European Journal of Philosophy*, 2001, Vol. 9, No. 3, pp. 306–327.

Habermas, J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 pp. (In Russian)

Haidt, J. "The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment", *Psychological Review*, 2001, Vol. 108, No. 4, pp. 814–834.

James, A. "Constructivism, Moral", in: *The International Encyclopedia of Ethics*, ed. by H. La Follette. Malden: Blackwell Publishing, 2013, pp. 1065–1078.

Kant, I. "Osnovopolozhenie k metafizike npravov" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant. *Sochineniya v 4-kh tomakh na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], ed. by N. Motroshilova, B. Tushling. Vol. 3. Moscow: Moskovskii filosofskii fond Publ., 1997, pp. 39–275 (In Russian)

O'Neill, O. "Constructivism in Rawls and Kant", in: *The Cambridge Companion to Rawls*, ed. by S.R. Freeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 347–367

Prokof'ev, A. "Ne upuskai iz vidu intuitsii... (teoreticheskie problematizatsii intuitivnykh moralnykh suzhdenii v sovremennoi etike)" ['Keep your eye on the intuitions...' (theoretical problematizations of intuitive moral judgments in contemporary ethics)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, Vol. 9, No. 1, pp. 146–163. (In Russian)

Rawls, J. "Kantian Constructivism in Moral Theory", *Journal of Philosophy*, 1980, Vol. 77, No. 9, pp. 515–572.

Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1996. 464 pp.

Rawls, J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ., 2010. 536 pp. (In Russian)

Scanlon, T.M. *What We Owe to Each Other*. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 420 pp.

Taylor, C. "Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights", in: *The East Asian Challenge for Human Rights*, ed. by J. R. Bauer, D. A. Bell. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 124–144.

Waldron, J. "Is Dignity the Foundation of Human Rights?", in: *Philosophical Foundations of Human Rights*, ed. by R. Cruft, S.M. Liao, M. Rienzo. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 117–137.

Zhidkov, O. (ed.) *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [The United States of America: The Constitution and Legislative Acts]. Moscow: Progress, Univers Publ., 1993. 768 pp. (In Russian)